

Мне позвонил Галюков...

Пока отец инспектировал на полигоне ракеты, мне позвонил Василий Иванович Галюков, помощник Николая Игнатов, в недавнем прошлом секретаря и члена Президиума ЦК, а ныне Председателя Президиума Верховного Совета России, и попросил о встрече. Встретились мы вечером 24-го, больше часа гуляли в подмосковном лесу, он мне рассказывал о заговоре Брежнева с Шелепиным или Шелепина с Брежневым против отца. Кого ставить в этой паре на первое место, историки спорят и по сей день.

В воскресенье, 27 сентября, на даче Горки-9, во время прогулки по лугу я все пересказал отцу. Отец просил меня никому об этом не говорить. Посчитав сыновний долг выполненным, я постарался выбросить заговорщиков из головы.

Утром 28 сентября 1964 года отец принимал кубинского министра связи, затем, прихватив с собой Косыгина и Подгорного, едет в Научный автотранспортный институт (НАМИ). Им показывают новые 27, 40 и 60-тонные карьерные самосвалы, их скоро начнут произво-

дять в Белоруссии и на Кременчугском автозаводе. Отец вспоминает, как в дни его молодости руду возили на тачках, в лучшем случае в вагонетках, а тут такая сила. Он искренне радуется нашим достижениям, я бы сказал, он счастлив. Потом гостей подводят к легковушкам: «Волгам», «Москвичам», «Запорожцам». Отец вновь заводит разговор о том, что хорошо бы всех бюрократов пересадить на «Москвичи», он сам в нем проехал, и ему понравилось. И Косыгин, и даже Подгорный обычно, «подхватывающий на лету» любое высказывание отца, на сей раз угрюмо молчат.

Вечером того же дня он на торжественном заседании в Большом театре произносит вступительную речь, а затем выслушивает длинный и нудный доклад Бориса Пономарева, посвященный столетию I Интернационала.

С половины десятого утра 29 сентября Хрущев беседует с заместителем министра иностранных дел Василием Васильевичем Кузнецовым, готовившим визит в Москву президента Индонезии Сукарно. В десять отец отправляется во Внуковский аэропорт встречать «друга Карно», сопровождает его в резиденцию и возвращается в Кремль. Там его ожидают Горегляд и Рудаков. По итогам заседания 26 сентября они подготовили новые поправки в план. С ними пришли и члены редакционной группы при отце, главные редакторы «Правды» и «Известий». Собрание прерывается ненадолго протокольным визитом Сукарно и затем продолжается почти до самого окончания рабочего дня.

Ближе к вечеру следует прием министра торговли и снабжения Цейлона (с 1972 г. Шри Ланка) Т. Б. Илангаратне. Последним к отцу на десять минут заскакивает его заместитель, председатель Совета Народного Хозяйства СССР Вениамин Дымшиц. Позже вечером – официальный обед в Кремле в честь Президента Сукарно.

Леонид Замятин, тогда заведующий отделом печати МИДа, впоследствии повторял якобы произнесенную отцом накануне на обеде фразу: «Я завтра уезжаю на две недели отдохнуть на Пицунду, а по возвращении вышибу эту центропробку». Мысль свою отец развивать не стал. Замятин считает, что отец имел в виду заговорщиков, группу Брежнева – Шелепина, и погрозил им пальчиком. Предположение наивное, с заговорщиками так не поступают, пальчиком им не грозят, а принимают меры, желательно превентивные, как в свое время отец поступил с Жуковым. Тем более при таких обстоятельствах не покидают столицу, не уходят в отпуск «на две недели».

Сейчас стенограмма выступления отца на обеде в Кремле 29 сентября опубликована. В ней нет ни слова о «центропробке», что ни о чем не свидетельствует.

Отец в тот вечер мог помянуть ее не в выступлении, а походя, в процессе разговора.

А вот некоторые места в стенограмме представляются интересными: «Меня хотели мои друзья выпроводить из Москвы, – отец шутливо жалуется Сукарно, – но я сказал, что вам это не удастся, пока я не встречу со своим другом и братом (Сукарно. – С. Х.), с ним не поговорю. Тогда они сказали: “Хорошо, но завтра (то есть 30 сентября. – С. Х.) ты должен убраться из Москвы”».

Кто они, отец не расшифровывает, но в его трехстраничном выступлении, в этом контексте, постоянно звучит фамилия Микоян: Микоян тут, Микоян там. Что это случайность? Дружеский «подкол»? Или Анастас Иванович энергичнее других настаивал на отъезде отца в отпуск именно сейчас, не позднее чем завтра? Для меня это неразрешимая загадка.

Не исключено, что отец в реальность заговора не очень поверил, переоценил и себя, и свои силы. Более того, в понедельник 28 сентября, он рассказал о моем сообщении потенциальному заговорщику Подгорному, а уезжая в отпуск, оставил его «на хозяйстве», поручил ему вести заседания Президиума ЦК. Полянского с Шелепиным, тоже фигурировавших в информации Галюкова, отец просит к его приезду подготовить материалы, какие сейчас я сказать не могу, к предстоящему ноябрьскому Пленуму ЦК. (Всю эту историю я подробно описываю в книге «Пенсионер союзного значения».)

Под «центропробкой» отец, независимо от того, произнес он это слово или нет, скорее всего понимал московскую бюрократию, и он действительно в преддверии новой реформы намеревался загодя расчистить пространство перед собой. В предстоящих реформах отец предполагал опереться на «молодежь», в противовес «старикам», выросшим в существующую систему, сжившимся с ней. К тому же он не раз повторял, что во власть следует приходить молодым, полным энергии, когда тебе едва минуло сорок. Вот только загодя говорить о подобных намерениях не следует, тем более что начинать расчистку отец собрался с Президиума ЦК. Тут залог успеха во внезапности. Когда после XIX съезда партии Сталин объявил о новом составе Президиума ЦК, он удивил всех своих соратников. И отец, и Микоян, и Молотов, и, наверное, все остальные не оставившие воспоминаний члены старого Политбюро до конца своей жизни недоумевали, кто Сталину подсказал эти фамилии. Скорее всего, Сталина никто не надоумливал и никто ему ничего не подсказывал. Таких дел Сталин не доверял никому. Он давно задумал поменять «караул», загодя, и сам подбирал «смену». Неожиданно огласив свой список на Пленуме, Сталин застраховался от любых мыслимых, а скорее всего, немыслимых случайностей. Пленум привычно и дружно проголосовал «за».

А отец не остерегся. 17 сентября он заговорил о желательности омоложения Президиума ЦК на... заседании самого Президиума ЦК. Малин на своем листочке лаконично отметил: «Довольно много людей с двухмесячным отпуском», то есть «стариков», нуждавшихся в дополнительном отдыхе. И дальше: «Три этажа в руководстве: молодые, средние и старшие». Речь явно шла об обновлении руководства. Косвенным подтверждением тому служит обсуждавшийся на том же заседании вопрос, затронувший министра культуры Фурцеву. Последняя строчка в заметках: «Наметить для выдвижения женщин помоложе».

Более подробно отец делился своими планами с Микояном, «наболтал» ему, простим это слово обычно корректному Анастасу Ивановичу, да еще при всех, что желательно «расширить Президиум за счет молодых – Шелепина, Семичастного и других, называл в их числе даже Сатюкова, Горюнова (генерального директора ТАСС. – С. Х.), своего зятя Аджубея. Но долго ничего не предпринимал. Конечно, некоторые из этих молодых – способные люди. Но не все созрели для Президиума ЦК. (И это говорит Микоян, вошедший в высшее руководство страны в 25-летнем возрасте. Он тогда уже «созрел». – С. Х.) Принять большую группу новых означало, как и для Сталина в 1952 году, возможность легко и незаметно убрать любого. И они испугались».

Отец действительно не остерегался, даже мне в сентябре говорил о планах омоложения Президиума ЦК уже на ближайшем, ноябрьском, Пленуме ЦК. Как и в разговоре с Микояном, он назвал Шелепина, Андропова, Ильичева, Полякова, Сатюкова, Харламова и Аджубея.

– Они – живее «стариков», легко улавливают новое, развивают, брошенную им мысль, вываливают в ответ ворох дельных предложений, – развивал свою мысль отец. – С ними не только интереснее работать, но, по существу, они и сейчас при решении большинства партийных и государственных дел играют не меньшую, если не большую, роль, чем официальные, голосующие, члены Президиума ЦК.

Так что оставалось формально затвердить статус-кво. О намерениях отца знали все – и кандидаты на выдвижение, и потенциальные пенсионеры. К тому же, как мы теперь знаем, в 1964 году наш дом прослушивали. В свете неосторожных разговоров отца, его «болтовни», как выразился Микоян, поспешность «стариков» понять нетрудно, из элементарного чувства самосохранения Хрущева следовало убрать не мешкая.

А вот что двигало Шелепиным, Семичастным? В ноябре сам Шелепин и целая когорта его сторонников стали бы членами Президиума ЦК, а через год-полтора на XXIII съезде партии... На съезде у них появлялась реальная возможность и законное право на восприятие высшей власти в стране. Но они торопились даже больше иных «стариков», подталкивали

сомневающегося Брежнева к решительным действиям, буквально тащили его на веревке. Некоторые историки вообще полагают, что не Брежнев с Подгорным стояли во главе заговора, а Шелепин с Семичастным. Я с этим не могу согласиться. Ни Шелепин, ни тем более Семичастный не имели авторитета в обкомах, там с ними и разговаривать бы не стали, а потому в главари заговора не годились, а вот в Москве они проявляли изрядную активность. Бывший главный архивист России Рудольф Пихоя убедительно доказывает, что даже так называемый доклад Полянского (упомянутый в начале книги), обвинявший Хрущева во всех мыслимых и немыслимых грехах, на самом деле написан не Полянским, а сочинен профессиональными «разоблачителями» из КГБ. В этом ему признался сам Семичастный и даже сообщил подробности: текст печатали две его особо доверенные, тогда уже отставные, казённые машинистки на дому.

Брежнев не позволил Полянскому на Пленуме огласить свой доклад, уж очень он звучал беспардонно, поручил это деликатное дело Сулову. Полянский сдал второй экземпляр своего текста в Общий отдел ЦК, первый, видимо, оставался у Семичастного. В начале 1990-х годов Пихоя его обнаружил в архиве ЦК. Когда он рассказал Семичастному о своей находке, тот забеспокоился, он полагал, что все экземпляры уничтожены, не сохранилось и следов.

Куда торопились Шелепин, Семичастный и иже с ними? Боялись опоздать? Но без КГБ, без Семичастного, ни Брежнев с Полянским, ни Подгорный с Шелестом и пальцем бы не шевельнули. Более того, «разоблачив» заговорщиков, группа Шелепина вообще становилась вне серьезной конкуренции. Их действия не поддаются логическому объяснению. По крайней мере, я этого понять не могу. Не мог этого себе представить и отец. Даже после моего предупреждения он сохранял уверенность в обоих, и в Шелепине, и в Семичастном.

Их поведение можно объяснить только самоуверенной недалёковидностью, попросту глупостью. Такой диагноз подтверждают и события, последовавшие за отстранением отца от власти.

В постхрущевские времена Шелепин показал себя негибким сталинистом, человеком к реформам не склонным, к экономике вкуса не имеющим. Семичастный – и того хуже, пошел за Брежневым, поддавшись на посулы получить генеральскую фуражку. Отец преобразовал КГБ в гражданскую, беспогонную организацию и новым председателям, ранее воинских званий не имевшим, их не присваивал. Шелепин на генеральские погоны не претендовал, а Семичастному очень хотелось надеть брюки с лампасами. Он и так и эдак подъезжал к отцу, но все безрезультатно. Брежнев же ему пообещал немедленное производство в генерал-полковники. Генерал-полковника Семичастный получил. Даже на обложку своих воспоминаний поместил фотографию в парадной форменной фуражке, но на этом Брежнев посчитал свои обязательства перед ним исполненными. Маршалом Семичастный не стал, им стал сам Брежнев.

Какая чушь иногда руководит человеческими поступками, и от каких мелочей зависят судьбы страны...

Из сказанного следует печальный вывод: не случись случившегося 14 октября 1964 года, приведи отец к власти «молодежь», скорее всего, лучше бы не получилось. И неслучайно, что Шелепина с Семичастным и иже с ними так легко убрали.